

Леонтий Миронюк, Светлана Миронюк

Советское переводоведение за 60 лет

Studia Rossica Posnaniensia 11, 83-91

1979

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛЕОНТИЙ МИРОНЮК, СВЕЛАНА МИРОНЮК

Днепропетровск

СОВЕТСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ ЗА 60 ЛЕТ

Советская школа перевода оформилась на базе широких внешних и внутренних литературных связей. По числу переводных изданий Советский Союз занимает первое место в мире. В Стране Советов переводят с 76 языков народов СССР¹ и с 90 языков стран мира². В советское время художественный перевод определился как полноправная литературная профессия на подлинно научной основе.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, относившиеся к переводу как к „подлинно добросовестной научной работе”³, оставили целый ряд ценных замечаний и теоретических положений, которые составили методологическую основу советской школы художественного перевода. Основным принципом советского переводоведения является принцип переводимости, т.е. возможности адекватного перевода, отрицаемого некоторыми буржуазными теоретиками. В свое время крайне непримиримую точку зрения высказал немецкий филолог-классик середины XIX века Мориц Гаупт, заявив: „Перевод — это смерть понимания”. Пауль Гюнтер, рассматривая проблему переводимости, цитирует следующие слова одного немецкого переводчика, который долгое время переводил Гомера, а затем, разочаровавшись в своей работе, пришел к такому неутешительному выводу: „Дорогой читатель, выучи греческий язык, а мой перевод предай огню”⁴. Ясно, что, основываясь, например, на языковой теории В. Гумбольдта или Сепира-Уорфа, проблему перевода невозможно решить положительно. Идея „духа” народа как единственного источника возникновения языка и его активного функционирования, абсолютизация В. Гумбольдтом факта национальной специфики языка и роли этой

¹ *Арифметика и алгебра перевода*, „Литературная газета”, 1977, 16 февраля, стр. 1.

² П. И. Копанев, *Вопросы истории и теории художественного перевода*, Минск 1972, стр. 3.

³ Ф. Энгельс, *Как не следует переводить Маркса*. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 21, Москва 1961, стр. 245.

⁴ В. Н. Крупнов, *В творческой лаборатории переводчика*, Москва 1976, стр. 31.

специфики в формировании народа, отождествление — в конечном итоге — языка и мышления и преувеличение роли языка в процессе его формирования, как и в жизни общества в целом — такая идея, разумеется, не может способствовать широкому развитию культурных, литературных, языковых и прочих контактов. Подобным образом абсолютизирует языковые различия и теория Сепира-Уорфа, относительно которой И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг заметили, что она „сближается с мыслью о непроницаемости языков”⁵.

Необходимо было новое, материалистическое определение языка. В *Немецкой идеологии* К. Маркс и Ф. Энгельс писали: „Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...”⁶. Это философское определение языка было сформулировано К. Марксом и Ф. Энгельсом свыше ста лет назад; им были заложены основы материалистического языкознания, свободного от буржуазной идеалистической ограниченности. Материалистическое понимание языка открывало новые перспективы также и для исследования вопроса о соотношении между различными языками, отсюда и о возможности полноценного перевода.

С точки зрения советского переводоведения, перевод не может быть тождеством оригинала, но является максимальным к нему приближением, то есть адекватом. Согласно ленинской теории отражения, само человеческое сознание является отражением бытия, а вся действительность, которая воспринимается этим сознанием, это субъективный образ объективного реального мира. Подобно тому, как литература является отражением объективной действительности в образах, так и полноценный перевод является отражением идейно-тематического содержания и особенностей оригинала в формах и конструкциях другого языка. Однако отражение, неоднократно подчеркивал В. И. Ленин в *Материализме и эмпириокритицизме*, далеко не тождественно отображенному. Тем более — если это отражение второго порядка, каковым является перевод по отношению к оригиналу. Это положение чрезвычайно важно, поскольку оно вооружает переводоведение против теории непереводимости.

Если нельзя достичь тождества, считают буржуазные теоретики, то не стоит переводить вообще. Представители же советской школы перевода придерживаются противоположной точки зрения: „Мы, советские переводчики, пришли к единой твердой мысли: мы считаем, что перевод с любого языка на любой язык принципиально возможен, — независимо от того, на каком уровне развития стоит тот или иной язык”⁷.

В плане методологии переводоведения очень важен вопрос о соотношении

⁵ И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, *Основы общего и машинного перевода*, Москва 1964, стр. 70.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 3, с. 29.

⁷ М. Рильский, *Твори*, т. IX. Київ 1962, стр. 60.

и взаимосвязи литературоведческого и лингвистического аспектов в процессе перевода. Известно, что в советском переводоведении, начиная с 30-х годов, определились два направления: литературоведческое, представленное К. Чуковским, И. Кашкиным, Г. Гачечиладзе, и лингвистическое, представленное А. В. Федоровым и его школой. Представители этих направлений группируются вокруг своих печатных органов. С 1959 года регулярно выходит сборник *Мастерство перевода*, который всецело посвящен художественному переводу и имеет отчетливо выраженный литературоведческий характер. В этом сборнике имеются такие постоянные разделы, как „Теория и критика”, „Школа мастерства”, „Наследие”, „По советским республикам”, „Вопросы перевода за рубежом”, „Библиография”. С 1960 года регулярно издается научный сборник *Тетради переводчика*, который первоначально был органом кафедры перевода Первого московского государственного педагогического института иностранных языков. *Тетради переводчика* занимаются всеми видами перевода, принципами подготовки переводчика в языковом высшем учебном заведении, а также проблемой двуязычных словарей. „Надо подчеркнуть, — пишет А. В. Федоров, — что этот лингвистический уклон не имеет воинствующего оттенка, и это закономерно: это важный, но не единственный аспект сложной и многогранной проблемы”⁸. Последнее замечание А. В. Федорова не случайно, поскольку представители литературоведческой ориентации в теории и практике перевода нередко занимают непримиримую позицию. Так, в частности, И. Кашкин заявлял: „Но если лингвист — приверженец нормативной лингвостилистики как части грамматики, если он под прикрытием „Общей теории перевода” Федорова вторгается и в области художественного перевода, ищет в художественном тексте абстрактные межъязыковые соответствия, предлагает переводчику готовую рецептуру и называет это „стилистикой” перевода, то такого лингвиста нам уважать не приходится”⁹.

Однако в переводоведении все проверяется практикой, и В. Россельс, подводя итоги деятельности советской школы перевода, ставит имя А. В. Федорова, основоположника лингвистического направления в теории перевода, рядом с именем И. Кашкина, тем самым как бы узаконивая важность и правомерность обоих переводоведческих направлений. Соотношение же их В. Россельс определяет в следующих методологических положениях: „Примат литературных аспектов художественного перевода над лингвистическими; необходимость для переводчика ставить себе писательскую задачу, то есть изучать не только подлинник, но и самую жизнь”¹⁰.

⁸ А. В. Федоров, *Тетради переводчика*. В сб.: *Мастерство перевода*, Москва 1970, стр. 328.

⁹ И. Кашкин, *Перевод и реализм*. В сб.: *Мастерство перевода*, Москва 1964, стр. 456.

¹⁰ В. Россельс, *Опыт теории художественного перевода*. В кн.: И. Левый. *Искусство перевода*, Москва 1974, стр. 12.

Советское переводоведение основывается на комплексно-филологическом решении проблемы перевода, о чем свидетельствует двухтомник *Актуальные проблемы художественного перевода*, изданный в 1967 году Советом по художественному переводу при Союзе писателей СССР. Как уже подчеркивалось, художественный перевод — одна из форм литературного творчества, но творчества особенного. „Адекватность перевода, — считает Ю. Молочковский, — его соответствие духу и стилю оригинала не в том, чтобы отдельные отрезки ломаной линии перевода совпадали с линией подлинника — это и невозможно, — а в том, чтобы обе эти линии шли в одном направлении. Эта общность направления важнее, чем отдельные отклонения, скачки и зигзаги ломаной линии, то приближающейся, то удаляющейся от подлинника”¹¹. Здесь автор касается ключевого вопроса любой теории перевода — вопроса о степени верности передачи подлинника. Переводчик-мастер исходит при этом из диалектики общего и отдельного, из соотношения целого и части. Он переводит вольно, однако степень этой вольности также должна быть обусловленной, иначе она может привести к излишней рационализации и нивелированию переводимого текста. Этим объясняется невозможность терминологического использования словосочетания „вольный перевод”. Столь же осторожно относятся теоретики и к дефиниции „точный перевод”. Дело в том, что точность перевода зачастую понималась буквально и, следовательно, точный перевод отождествлялся с буквальным, механическим перенесением черт оригинального произведения при переводе. Очевидно, именно поэтому К. Чуковский заявлял: „Если вы с максимальной точностью передадите каждое слово текста, но не передадите его поэтичности, достигнутая вами точность будет равняться нулю. Вы никак не можете предугадать, что будет считаться точным переводом в 1980 или в 2003 году. Каждая эпоха создает свое представление о том, что такое точный перевод”¹².

Каждая наука оперирует своим понятием точности. В переводоведении элементом точности считают образ (шире — образность). Передача образа образом на фоне требования функционального подобия сравниваемых контекстов — один из важнейших принципов адекватного перевода. Поэтому вместо дефиниций „вольный перевод” и „точный перевод” более оправданно употреблять словосочетание „творческий перевод”, хотя семантический диапазон последнего тоже не так уж строго очерчен: для одних переводчиков он является „синонимом глубокого проникновения в оригинал”, а для других — синонимом вольности, своеволия, еще более — свободы от оригинала”¹³. Однако словосочетание „творческий перевод” с успехом терминологизируется,

¹¹ Ю. Молочковский, *Легче или труднее? (Об особенностях перевода чешской прозы)*. В сб.: *Мастерство перевода*, Москва 1963, стр. 210.

¹² *Мастерство перевода*, Москва 1970, стр. 4.

¹³ Л. Озеров, *Приглашение к дискуссии*. В сб.: *Мастерство перевода*, Москва 1971, стр. 89.

поскольку оно подчеркивает специфический характер метода художественного перевода как такового, который менее всего подлежит формализации. И все же, если переводчик хочет достичь творческого успеха, он должен в самом процессе пройти необходимые этапы своей деятельности. Эти этапы в определенной последовательности сформулированы В. В. Коптиловым в книге *Подлинник и перевод* (в оригинале — *Першотвір і переклад*):

1) Анализ оригинала: место переводимого произведения в национальной литературе, соответствующее литературное направление и творчество автора, идейно-тематический замысел, семантика, стиль оригинала.

2) Поиски в языке перевода и в традиции литературы, созданной на этом языке, эквивалентных способов перевыражения.

3) Синтез: воссоздание оригинала во всей его художественной убедительности и силе воздействия на читателя.

4) Аналитическая проверка степени соответствия перевода оригиналу¹⁴.

На конференции переводчиков Закавказья, которая состоялась в марте 1962 года в Тбилиси, Иван Кашкин сформулировал в качестве первоочередной следующую проблему советского переводоведения: личность автора и право переводчика на собственную индивидуальность. Анализируя различные высказывания теоретиков, практиков и критиков перевода, порой противоположные, мы пришли к выводу, что в нашей практике реально существует разнообразие и богатство индивидуальных переводческих стилей, объединенных цельностью и единством переводческого метода и — прежде всего — единством методологических основ. „Высокие требования, благородные принципы советского художественного перевода и есть первейшая гарантия „подлинности” при воссоздании иноязычного произведения”, — подытожил И. Кашкин¹⁵. В качестве сравнения можно было бы привести замечание А. С. Пушкина о принципах переводчиков прошлого, сделанное им в статье *О Мильтоне и переводе „Потерянного рая” Шатобриана*: „Долгое время французы пренебрегали словесностью своих соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отдалялись они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками.

В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы ни находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованного французского читателя”¹⁶. Ясно, что такого рода манипуляции над оригинальным текстом никакого отношения к полноценному переводу не имеют. Само по-

¹⁴ В. В. Коптилов, *Першотвір і переклад*, Київ 1972, стр. 68 - 80.

¹⁵ *Мастерство перевода*, Москва 1964, стр. 451.

¹⁶ А. С. Пушкин, *О Мильтоне и переводе „Потерянного рая” Шатобриана*. В кн.: *Собрание сочинений в десяти томах*, т. VI, Москва 1976, стр. 202.

нятие „перевод” исторически менялось и конкретизировалось (ср. переделки, перепевы, адаптации и пр.), определившись в последнее время наиболее четко в аспекте функциональном. „Иначе говоря — подчеркивает В. Н. Комиссаров — любой оригинал одновременно может считаться непереводимым в смысле отсутствия абсолютного тождества с переводом и должен быть признан принципиально переводимым в смысле возможности создания полноценной функциональной замены его на другом языке и передачи любой части содержания оригинала, которую переводчик считает важной для данного акта межъязыкового общения, и возможности компенсации неизбежных потерь”¹⁷.

Это особенно наглядно выступает при решении проблемы соотношения содержания и формы в поэтическом переводе, который, как известно, имеет свои особенности, обусловленные ритмической организацией стиха и спецификой его образной системы. Главное методологическое требование, выдвигаемое советским сравнительным стиховедением по отношению к исследованию формальных особенностей лирики, — это анализ элементов стиховой организации в неразрывной связи с их идейно-образным планом. Именно такой подход к материалу в аспекте переводоведения наиболее четко определился в работах В. Жирмунского, М. Рильского, Г. Гачечиладзе, В. Коптилова, В. Иванова, Р. Папаяна и др.

Формальные признаки стиха, такие, как строфическая композиция, порядок рифмовки, тесно связанные с принципами и приемами ритмизации, представляют собой один из аспектов интерпретации текста и поэтому могут рассматриваться как „выражение смыслового содержания”¹⁸ (подчеркнуто нами — Л. М.). Содержательная сторона формальных компонентов поэтического целого принципиально важна в переводоведении, поскольку при переводе отдается предпочтение смысловой адекватности. Это кредо советской переводческой школы М. Рильский выразил следующим образом: „До сих пор мы говорили преимущественно о стилистической верности оригиналу. В основу же следует положить смысловую верность (ведь поэзия в широком смысле слова — „мышление в образах”, „в образах”, но именно мышление), идейную верность”¹⁹. В этом же направлении развивал свою мысль и Иржи Левый: „Формальные поэтические приемы в конкретных стихотворениях вступают в сложные взаимоотношения с идеями, и переводчику в поисках формального следует исходить прежде всего из содержательных функций формы”²⁰.

¹⁷ В. Н. Комиссаров, *Теория перевода на современном этапе*. В кн.: *Тетради переводчика*, Москва 1976, стр. 5.

¹⁸ В. Жирмунский, *Рифма в сопоставительно-историческом плане*. В кн.: *Мастерство перевода*, Москва 1973, стр. 446.

¹⁹ М. Рильский, *Твори*, т. IX, ук. соч., стр. 89.

²⁰ И. Левый, *Искусство перевода*, ук. соч., стр. 446.

Исследуя проблему диалектической взаимосвязи содержательности и формальности в поэзии, советское переводоведение выработало понятие эквивалентной эквиметрии, сущность которой заключается в следующем: „Эквивалентность и эквиметрия не находятся в оппозиции, не исключают одна другую. Они — перекрещивающиеся понятия, и в той части, где они перекрещиваются, эквиметрическая форма выступает в качестве метрического эквивалента, и наоборот — метрический эквивалент эквиметричен”²¹.

В современной переводоведческой терминологии было также уточнено и конкретизировано понятие „теория”, употребляемое до сих пор многими исследователями во всеобъемлющем значении. Выделение в переводоведении таких его разделов, как „История перевода” и „Критика перевода”, позволило четко определить тот круг проблем, которыми должна заниматься сама переводческая теория.

Важнейшей методологической проблемой современной теории перевода, подчеркивалось на Всесоюзной научной конференции „Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков”, проходившей с 13 по 16 мая 1975 года в МГПИИЯ имени М. Тореза в Москве, остается проблема текста²². В переводоведении текст рассматривается в качестве основной единицы художественного перевода, специфической особенностью которой является то, что в тексте сочетаются и взаимодействуют элементы, относящиеся к разным уровням языка. Это наглядно проявляется при сопоставлении разностадиального языкового материала. Так, например, при переводе романа А. Толстого *Петр Первый* на эстонский язык переводчикам при передаче русской архаической лексики пришлось активизировать не только словарную систему, но также и элементы других языковых уровней (в частности, морфологические и синтаксические).

Проблема текста важна еще в одном отношении. Известно, что в первые годы Советской власти переводы западноевропейской литературы на языки народов Средней Азии и Закавказья осуществлялись с русского текста. Таким был, например, в узбекской литературе перевод *Гамлета*, сделанный поэтом Чулпаном (Абдулхамидом Сулеймановым) в 1934 году с русского прозаического перевода Каншина. Это был начальный этап освоения народами Средней Азии наследия Шекспира, и русский язык сыграл в нем огромную просветительскую роль. Однако с точки зрения современной советской переводческой школы перевод с неоригинального текста (в том числе и с подстрочника) не может полностью удовлетворить читателя, и сейчас новые окрепшие кадры переводчиков в Ташкенте, Душанбе и Баку создают полноценные переводы, пользуясь исключительно подлинником.

²¹ Р. Папаян, *К вопросу о метрических эквивалентах*. В кн.: *Мастерство перевода*, Москва 1975, стр. 259.

²² В. Н. Комиссаров, *Теория перевода на современном этапе*. В сб.: *Тетради переводчика*, Москва 1976, стр. 7.

Одним из важнейших методологических вопросов теории перевода является проблема взаимодействия и связи переводоведения с другими науками. В литературоведении перевод обычно рассматривается как один из видов литературных связей. Такой точки зрения придерживается, например, Л. С. Кишкин, отводя переводу четвертое место — наряду с такими видами творческих связей, как проникновение художественного произведения на языке оригинала в сферу другой литературы, национальная адаптация и национальный пересказ²³. Языковеды, в свою очередь, пытаются рассматривать перевод как часть лингвистики, гипертрофируя его зависимость от общего языкознания. Связи здесь, безусловно, очень тесные, что подчеркивалось во вступительной статье Б. А. Ларина, открывающей сборник *Теория и критика перевода*: „Как филология или стилистика, так и теория перевода немыслима без органического соединения лингвистических и литературоведческих методов”²⁴. Однако это не дает основания отождествлять перевод с поэтикой, стилистикой или общим языкознанием, поскольку переводоведение имеет свои самостоятельные задачи и свой предмет исследования.

Как указывалось на Всесоюзной научной конференции по проблемам перевода (1975 г.), теория перевода не только широко использует достижения грамматики, лексикологии, стилистики, семасиологии и других областей лингвистических изысканий, но и предоставляет определенные данные для решения ряда задач в смежных областях. Так, переводы уже давно используются как лингвистический источник. Кроме того, в переводоведении наблюдается терминологическая дифференциация некоторых слов-терминов. Так, например, термины „сравнительный” и „сопоставительный”, употребляемые в лингвистике и литературоведении альтернативно, в теории перевода специализировали свое значение: с помощью сопоставительного метода изучаются переводы с неродственных языков, а с помощью сравнительного — переводы с генетически близких языков.

Следует отметить, что в современном переводоведении конкретизируются не только отдельные слова-термины, но и определяются особые направления в области самой теории перевода. Так, в настоящее время значение частной теории приобрела теория перевода с близкородственных языков. В свое время Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, Ю. Тувим заметили, что переводить с близкого языка не легче, а труднее: чисто внешнее сходство многих языковых фактов (в частности — межъязыковая омонимия) порой разоружает переводчика, способствует механическому перенесению отдельных черт подлинника в текст перевода, вследствие чего создаются различного рода семантико-стили-

²³ Л. С. Кишкин, *Проблема национального образного мышления и методология изучения межславянских связей*. В сб.: *Славянские литературы, VI Международный съезд славистов*, Москва 1968, стр. 247.

²⁴ Б. А. Ларин, *Наши задачи*. В сб.: *Теория и критика перевода*, Ленинград 1962, стр. 3.

ческие сдвиги, искажающие оригинальное произведение. Максим Рыльский обосновал данное явление теоретически (на материале русско-украинских и польско-украинских переводов), указав тем самым на необходимость дальнейших исследований в этой области.

Оценивая состояние теоретической мысли в области перевода в современном мире, Иржи Левый писал: „Гораздо систематичнее работают ныне над теорией перевода в СССР. Советская переводческая теория обладает единым мировоззрением, систематическим характером разработок и собственным направлением...”²⁵. Эта систематичность и глубокая научно-теоретическая обоснованность советского переводоведения являются залогом дальнейших успехов советской школы перевода, способствующей всестороннему укреплению и развитию культурных контактов между народами.

SIXTY YEARS OF SOVIET STUDIES IN TRANSLATIONS

by

LEONTIJ MIRONIUK, SVIETLANA MIRONIUK

Summary

The authors discussed in the present article the problems of the theory and practice of the Soviet school of translation which was created on the basis of the rich internal and external literary relations. Particular attention was paid by the authors to such problems as identity and adequacy, relations and mutual connection of the theory of literature and linguistic aspects in the process of translation, the problem of text, the problem of mutual relation of the study in translation and other scholarly disciplines and so on.

The principles of Soviet study in translation (translatibility, adequacy as far as meaning is concerned, as stylistics, etc. functional correlation, etc.) were defined against the background of general theoretical problems. The authors analysed as well the basic terminology (translation, theory, comparative, confrontative, etc.) which was precisely defined on the basis of contemporary theoretical studies and versatile practice in translations.

²⁵ И. Левый, *Состояние теоретической мысли в области перевода*. В кн.: *Мастерство перевода*, Москва 1970, стр. 310.